
НАСЛЕДИЕ

А. М. ПЯТИГОРСКИЙ¹

О НЕКОТОРЫХ ИНДИЙСКО- ПАЛЕОАЗИАТСКИХ КУЛЬТУРНЫХ ПАРАЛЛЕЛЯХ

0.1. При рассмотрении мифологических и культовых текстов² с точки зрения их содержания возможно условно наметить два подхода.

Первый подход состоит в том, что исследователь выделяет в тексте чисто типологические моменты, сознательно отвлекаясь от акциденциальных. Разумеется, это предусматривает предварительное конструирование примерной типологической структуры текста на основании уже имеющихся данных.

Сущность второго подхода заключается в том, что внимание исследователя направляется именно на акциденциальные моменты, то есть на моменты, не являющиеся элементами типологической структуры данного текста или их алломорфами. При этом предполагается, что существует какой-то *иной* текст, где найденный и оцененный нами как акциденциальный момент найдет свое место среди элементов *иной* типологической структуры.

Таким образом, при обоих подходах конечной целью является нахождение типа, но только в первом случае материал будет говорить нам о типе группы текстов, включающей данный текст, а во втором случае – о типе группы текстов, исключаяющей его.

0.2. Типология мифологического или культового текста обычно бывает настолько устойчивой, что сохраняет свои основные эле-

---

¹ Впервые опубликовано: Краткие сообщения Института народов Азии. Вып. 61. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1963, с. 3–7.

² Здесь слово *текст* употребляется в самом широком смысле, то есть как любым образом фиксированное поведение.

менты в течение многих столетий (а иногда и тысячелетий), будучи неоднократно преобразованной в самых различных по форме источниках, таких как письменная художественная литература, устная традиция, фольклор и т. д.

Очевидно, для того чтобы типологический элемент стал акцидентальным³, должно пройти очень много времени, настолько много, что даже чисто теоретически было бы трудно предположить, что этот процесс мог происходить в одном и том же месте либо в пределах одной и той же этническо-культурной группы.

Именно поэтому можно считать этот процесс не только временным, но и пространственным, то есть, иными словами, между текстом, где данный момент фигурирует как элемент типологии, и текстом, где он является акцидентальным, должен лежать не только большой отрезок времени, но и значительный пространственный промежуток⁴. В этом смысле особый интерес представляет сопоставление фактов, относящихся к текстам наиболее отдаленных друг от друга географических районов, каковыми, в частности, являются, с одной стороны, Индия, а с другой – Северная и Восточная Сибирь.

1.0. Один из таких «нетипологических» фактов был выявлен в раннесредневековой тамильской эпической поэме «Манимехалей», по преданию, созданной в VI–VIII вв. в Мадуре вайшьей (купцом) Чатганаром. Основой содержания поэмы являются буддийские и индуистские легенды, передаваемые действующими лицами главного рассказа, ведущегося от имени автора. Сюжетные черты, общие для всех этих легенд, таковы:

1.1. С действующим лицом случается какое-либо чрезвычайное событие, резко меняющее всю его жизнь. Обычно это несчастье, катастрофа: смерть близкого, потеря состояния или социальная деградация (особенно потеря касты). Чаще всего это происходит в молодости. Эти происшествия, согласно буддийским и индуистским представлениям, являются результатом деяний, совершенных в прошлых рожденьях. Если действующее лицо не погибает, то с помощью сверхъестественных сил оно узнает то, что с ним произошло

---

³ Если для того, чтобы реальное поведение превратилось в сказку, требуется весьма много времени, то для того, чтобы сказка одного типа превратилась в сказку другого типа, времени потребуется во много раз больше. Идеальная схема такого превращения дана в кн.: Пропп 1947.

⁴ Особенно большое распространение подобного рода подход получил в итальянской школе пространственной лингвистики.

в его прошлом рождении. Большой частью (по крайней мере, в поэме «Манимехалей») это знание действующее лицо получает от буддийского аскета, буддийской святыни или какого-либо индуистского божества, занявшего второстепенное место в буддийском пантеоне. Затем, то есть после получения этих сведений, это действующее лицо приобщается к дхарме (буддийскому вероучению).

1.2. Описанные здесь самые общие сюжетные черты (испытание, познание смысла испытания и т. д.) примерно совпадают с отдельными, также самыми общими чертами обряда инициации безотносительно к культуре и географическому району.

Однако при известном углублении в содержание поэмы в некоторых из входящих в нее легенд, кроме этих самых общих черт, обнаруживаются и более частные черты:

а) действующее лицо узнает в особом, отдаленном и труднодоступном месте о своих прежних рождениях;

б) само достижение этого места (или выход из него) обеспечивается сверхъестественными силами, прежде всего заклинаниями (мантрами), данными действующему лицу божеством⁵;

в) действующее лицо достигает этого места не самостоятельно, а переносится туда в усыпленном состоянии божеством.

Наиболее полно эти черты выявлены в сюжетной линии основной легенды поэмы. Главную героиню поэмы, юную буддийскую отшельницу Манимехалей, преследует принц Удаякумаран. На помощь девушке приходит ее кастовая богиня-покровительница, усыпляет ее и переносит на далекий остров Манипаллавам. Там девушка узнает о том, что с ней произошло в предыдущем ее рождении, получает волшебный сосуд, в котором не иссякает пища, и обретает способность произносить три заклинания, с помощью которых можно якобы летать по воздуху, обходиться без еды и принимать облик любого существа.

1.3. Эти черты места и достижения этого места, с которым связано познание прошлого и овладение заклинаниями, могут быть сопоставлены с уже несколько менее общими чертами обряда инициации: действительно, обряд посвящения, в особенности когда речь идет о посвящении лиц, относящихся к более специализированному религиозному контингенту, обычно происходит в крайне изолированном месте. Путь к этому месту труден и требует маги-

---

⁵ В сказочной и легендарной модификации это достижение места часто происходит случайно, в результате несчастного случая.

ческой помощи. Именно в этом месте посвящаемый приобретает знание мифологии и необычные способности, типологически легко сопоставимые со знанием прошлых воплощений и овладением тремя заклинаниями в приведенной легенде.

Если первые из отмеченных здесь черт сюжета свойственны буддийской легенде, то черты второй группы, хотя и входят в нее, генетически тяготеют уже к более древнему слою, более тесно связанному со сказкой, нежели с легендой.

1.4. Наконец, в поэме «Манимехалей» встречаются эпизоды, не типичные для буддийской легенды вообще и случайные для ситуаций, в которых они присутствуют. Здесь хочется привести один из таких эпизодов, особенно яркий и необычный.

Царь Бхумираджа узнает от отшельницы Манимехалей о том, что для знания своей прежней жизни ему следует отправиться на остров Манипаллавам. Царь покидает свой край и прибывает на остров, где узнает, что именно там, у берега моря, он, уморив себя голодом, и нашел свою смерть в предыдущем воплощении. И вот тогда случается событие, которого, очевидно, не могли ожидать ни царь, ни читатель легенды: Манимехалей показывает принцу не только место его погребения, но и *его скелет*.

Вот строки из XXV главы поэмы, в которых Манимехалей говорит:

Смотри! Вот скелет, оставшийся от жизни прекрасной той,
Бесценной жизни, что [тебе], царю, [прежде] была дарована;
Был песком покрыт он, намытым волнами;
[Здесь лежит он] в тени дерева пунней.

Вообще получение знания о прежнем рождении не должно связываться с видением своего скелета в буддийских легендах и притчах. Сам момент видения своего прежнего скелета либо не встречается, либо встречается очень редко (Cattanār 1898: 235). Кроме того, в контексте поэмы этот момент по ряду соображений представляется неоправданным внесением чего-то абсолютно инородного. Приведем здесь эти соображения.

Во-первых, этот момент не может быть истолкован как иллюстрация буддийской концепции перевоплощения⁶, поскольку как Бхумираджа, так и все другие действующие лица поэмы, принимающие буддийскую дхарму, прежде принадлежали к тому или ино-

---

⁶ В буддизме эта концепция связана с «законом зависимого происхождения».

му индуистскому или брахманистскому вероучению, обязательно включающему в себя концепцию перевоплощения.

Во-вторых, знание прежней жизни выступает как откровение, которое не требует никаких доказательств, иллюстраций или примеров.

В-третьих, это знание получается в воздаяние, в дар, как высшая милость. Ни одно из действующих лиц, получивших это знание (а оно в поэме было получено всеми положительными действующими лицами), не может принять или не принять его; оно, согласно общеиндуистской и буддийской точке зрения, само по себе является частью естественного процесса наряду с возмездием, достоинством и т. д. И это знание принималось всеми действующими лицами примерно в той же ситуации, что и царем Бхумираджей, но без видения своего скелета⁷.

Таким образом, этот момент кажется необъяснимым как с позиций общей концепции поэмы, так и со стороны конкретной ситуации, что и дает возможность отнести его к акцидентальным моментам.

2.0. В то же время «случайность» и «неоправданность» этого момента сами по себе могут служить косвенным указанием на его обрядовость. Это положение можно объяснить следующим образом: довольно давно некоторые исследователи отмечали явление сильной маркированности⁸ культовых текстов относительно некультовых, в частности и в особенности мифологических⁹.

---

⁷ Следует отметить, что этот эпизод никак не повлиял на дальнейший ход действия рассказа о Бхумирадже и поэмы в целом.

⁸ Понятие маркированности текста, очевидно, связано с восприятием и субъективной оценкой последнего. Если у нас имеется несколько разновидностей текстов, то маркированным (точнее, наиболее маркированным) будет считаться текст, разновидность которого будет выступать особенно явно, либо тот текст, о котором можно по крайней мере сказать, что он не относится к уже известным нам разновидностям. (При этом предполагается, конечно, что сама разновидность не названа в тексте.) Так, если взять художественную прозу, протокол и стихи, то наиболее маркированными будут стихи, затем протокол и после него – художественная проза (Зализняк и др. 1962).

⁹ Вообще легенда, в отличие от сказки, является определенно арелигиозным текстом, где на первом плане стоит описание поведения отдельной личности. Сам ход действия в легенде гораздо менее стахистичен, чем в сказке или мифе. Иначе говоря, если нам еще не известна типология данного легендарного текста и данного сказочного текста и если нам предлагают рассмотреть эпизоды, взятые наугад из середины сказки и легенды, то по эпизоду, взятому из легенды, будет легче

2.1. Эпизод «видения скелета» – яркий случай такой «нелогичности» и «безрезультатности». Буддийское мировоззрение стремилось в легенде увязать *свою* умозрительную философско-этическую концепцию с *не своим* культом и также не своим крайне расплывчатым пантеоном. Неудивительно, что при этом в сравнительно поздние тексты попали фрагменты из глубокой древности, о чем говорит и то обстоятельство, что этот эпизод встречается в чисто культовом контексте географического района, чрезвычайно далекого от Южной Индии.

2.2. Кнуд Расмуссен во время одной из своих экспедиций к гренландским эскимосам отметил у них один весьма любопытный обряд, предшествующий посвящению в шаманы и не замеченный пока ни у одной другой народности, практикующей шаманизм. Молодой эскимос, готовящийся стать шаманом, сосредоточив всю свою волю, последовательно удаляет в своем воображении кожу, мышцы, внутренние органы и т. д. и, наконец, видит себя со стороны «как скелет». Это видение служит непрямым условием получения им шаманских знаний и способностей (Rasmussen 1929: 111–114; Eliade 1951: 71).

Однако параллель с эпизодом из тамильской поэмы, где царь Бхумираджа «видит свой скелет» накануне своего приобщения к буддийской дхарме, подчеркивается и еще одним обстоятельством. У эскимосов это видение осуществляется при помощи старшего шамана, направляющего весь обряд. В поэме же отшельница Манимехалей силой волшебства на мгновение удаляет намытый морем песок, чтобы царь мог увидеть свой скелет.

восстановить неизвестный нам предыдущий эпизод, чем по эпизоду, взятому из сказки, восстановить предыдущий эпизод сказки. В случае же знания нами типологии этих двух текстов нам, напротив, будет легче восстановить предыдущий эпизод сказки, поскольку в легенде типология выражена слабее, а логическая связь актов поведения – гораздо сильнее. (Аналогичным образом изменится и степень предсказуемости неизвестного нам последующего эпизода на основании известного нам предыдущего. По степени убывания стахистичности разновидностей текстов их можно расположить следующим образом: сказка, миф, легенда, современный роман, современная новелла.) Обнаружив в легенде момент, логически не связанный с ее контекстом и в то же время заведомо не являющийся новым, мы с известным основанием можем отнести его к более типологическому сказочному субстрату, всегда связанному с каким-то архаическим культовым текстом. Фрагмент сказочно-культовой подосновы в легенде обычно и бывает отрицательно маркирован, то есть про него можно скорее сказать: «Это не легенда», – нежели отнести его к *определенному* культу.

В обоих случаях дело не обходится без магической помощи, характерной для всякого обряда посвящения в шаманы.

3. Очевидно, мы имеем дело с проникновением в позднейший буддийский легендарный текст чисто шаманского элемента, оказавшегося в поэме искусственно включенным в сферу индуистско-буддийской идеи перевоплощения. Пока нет оснований связывать общность этого момента у южных индийцев и эскимосов с этнической миграцией или культурным заимствованием. Скорее всего речь идет об известной общности типологии древнейшего шаманизма. В Южной Индии этот момент давно «выпал» из культа, как и шаманизм в целом. У эскимосов же он сохранился благодаря той изумительной устойчивости архаических явлений, которая столь характерна для всей их культуры.

Литература

Зализняк, Е., Иванов, В., Топоров, В. 1962. О возможности структурно-типологического изучения некоторых моделирующих семиотических систем. В: Молошная, Т. Н. (отв. ред.), *Структурно-типологические исследования*. М.: Изд-во АН СССР, с. 134–143.

Пропп, В. Я. 1947. *Исторические корни волшебной сказки*. Л.

Cattanār, maṇimēmekalai mūlamum, u. ve. Cāminātaiyar patavuraiyum. 1898. Cennai.

Eliade, M. 1951. *Le chamanisme*. Paris: Payot.

Rasmussen, K. 1929. Intellectual Culture of the Iglulik Eskimos. In Rasmussen, K., *Report on the 5th Thule Expedition*. Vol. VII. No. 1. Copenhagen, pp. 111–114.